

СОЦИАЛЬНАЯ НАУКА КАК ЧТЕНИЕ И ПЕРФОРМАНС:

КУЛЬТУРНО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ ЭПИСТЕМОЛОГИИ

Автор: ДЖ. АЛЕКСАНДЕР, А. РИД

ОТ РЕДАКЦИИ. Мы публикуем эту статью, чтобы привлечь внимание наших читателей и авторов к мысли видного социолога (и его менее известного пока коллеги) о созревании предпосылок нового этапа и развитии социологии, о возвращении к эмпирическому знанию после многолетних споров о конструировании социологических теорий. Это тем важнее, что в последнее время в отечественной социологии выступили отдельные, по преимуществу молодые люди, не стремящиеся заниматься "землекопными" работами, а призывающие сосредоточить усилия на "теоретических" домислах, которые с трудом можно соотнести с наукой, не говоря уже о реальностях жизни. Подобная страсть к мнимому теоретизированию отражает не раз повторявшийся в истории нашей науки казус - с опозданием на 15 - 20 лет повторять "истины", уже пройденные коллегами за рубежом. Отсюда явление скороспелых утверждений о "конце социологии", о ее прозябании в повседневности и других, предназначенных не для постижения научной истины, - скорее для эпатажа. Эта тенденция проявляется в ряде кандидатских и докторских диссертаций, полных умозрительных схоластических выводов и игнорирующих реалии жизни.

Новый поворот к эмпирике как фундаменту социологической теории - и на это хотим привлечь внимание наших авторов и читателей - не просто возвращение к пройденному когда-то этапу истории нашей науки. Это новый этап, попытка обновленного взгляда на состояние прикладных и теоретических исследований как нормы для мировой социологии. Совершенно очевидно, что предложенный подход не отрицает теории: он требует, чтобы на основе накопленного опыта обеспечить более высокий уровень сочетания теории и эмпирики.

АЛЕКСАНДЕР Джеффри - почетный профессор, директор Центра культуральной социологии Йельского университета, США (E-mail: jeffrey.alexander@yale.edu). РИД Айзек - ассистент профессора социологии в университете штата Колорадо (Боулдер) E-mail: isaac.reed@colorado.edu

Аннотация. В наше время "возврата к эмпирике" и умолкших споров теоретиков нужно создать условия возрождения дискуссий, чтобы глубже понять природу и цели социологии. Ссылки критических реалистов на онтологию для поиска гарантий валидности социологии мы не приемлем, выступая за основанный на культуре герменевтический вариант, и предлагаем культурно-социологический подход к эпистемологии. Производство истины в социальной науке - это чтение смыслов социального мира и перформанс истинности в границах данных. Рацио социальной науки, полагаем мы, достижимо только вне (forgoing) онтологии. Теории - абстракции разума исследователей, позволяющие интерпретировать социальные смыслы действий, отношений, структур. Успех объяснения в эффективном переплетении структуры смыслов исследователей и акторов.

Ключевые слова: культура * эпистемология * интерпретация * теория

Эта статья началась с выступления на конференции и называлась "Возврат к эмпирическому"; названию мы придали философское звучание "Что такое эмпирическое?". Первый заголовок подразумевал тезис об эмпирическом, с которым мы согласны: практики - особенно англоязычной социологии - вернулись к эмпирическим исследованиям социальной жизни, отказавшись от теоретических забот. У этой тенденции много исключений, но она заметна даже у молодежи, надеющейся "заняться теорией". Последствия этой тенденции неоднозначны. Нам приятен возврат к исследованию эмпирического. В этом суть и цель нашего призвания как социологов. Этим мы отличаемся и от искусства, и от философии. Но возврат к эмпирическому в практике социологов привел к спорным пониманиям эмпирического. Может быть, это известная человечеству ирония: увлеченность новыми фактами меняет понимание того, каковы они.

Маятник вернулся: нужен новый взгляд на природу эмпирического анализа в социологии, новые споры о посылаках, новый "Спор о методе" (*Methodenstreit*). Ниже прослежены процессы в науке последних 40 лет и их современное состояние, потребовавшее пересмотреть "эмпирическое"; показаны возможности этого пересмотра.

I

Начнем с ряда фактов истории, придающих идее возврата к эмпирическому конкретный характер и особый смысл для сегодняшних социологов-практиков. Это история мета-теоретических страстей в социальных науках, особенно в социологии между концом 1960-х и серединой 1980-х. В этот давний период конфликтов и фрагментации молодые интеллектуалы - и не только молодые - крайне нетерпеливо относились к самой идее "современной жизни", тому, как ее изображали, к доминировавшим социологическим парадигмам, отражавшим, восхвалявшим или критиковавшим ее. Недовольство привело к "сдвигу вверх" в практике ученых. Возникло крайнее увлечение базовыми принципами как реакция на и вклад в глубокий социальный и интеллектуальный кризис [1]. Молодые головы и старые занялись переосмыслением ответов на фундаментальные вопросы. Что значит изучать общество? Что такое теория и какова ее роль в социальном исследовании? Какова природа социального действия и социального строя? И главное - что такое социальная реальность, которую мы пытаемся понять методами эмпирического исследования? Отсюда: что есть эмпирическое? Неудивительно, что тогда теория казалась вездесущей и было много попыток постижения философии науки и социальной науки. Именно такие труды привлекали внимание ученых, публики. Вот примеры.

В Германии критика Ю. Хабермасом классиков марксизма и позитивизма мощно стимулировала теоретические споры. После эмпирически ориентированной диссертации о преобразовании публичной сферы, написанной до начала описываемого времени, все, что он писал, посвящено фундаментальным вопросам - от "знания и интересов человека" (1971) в конце 1960-х до "теории коммуникативного действия" (1984). В Англии Э. Гидденс выпустил серию "фундаментальных" книг - от "Капитализма и современной социальной теории" (1971), интерпретивных полемических работ конца 1970-х ("Новые правила социологического метода", 1973, "Центральные проблемы социальной теории", 1979) до трактата по теории структуризации - "Устройство общества" (1984). Во Франции П. Бурдьё сменил полевою работу в Алжире на создание потрясшего всех "Очерка теории практики" (1967), переведенной на английский в начале 1970-х и имевшей большой успех.

В США бушевали фундаментальные споры. Высокомудрые труды и учебники посвящались так называемым парадигмальным конфликтам функционалистов, конфликтологов, символических интеракционистов, этнометодологов, теоретиков обмена, марксистов, критической теории. Один из самых тонких социологов-эмпириков А. Гоулднер сменил курс научной работы, сфокусировавшись на фундаментальных спорах. Его гигантский "Грядущий кризис западной социологии" (1970) и смутное ощущение

апокалипсических перемен созвучны тому времени; трилогия Гоулднера "Темная сторона диалектики" (1974) почти ничего к его характеристике не добавила [2]. Один из авторов этой статьи посвятил раннюю работу "Теоретическая логика в социологии" (Александр, 1982), увидевшую свет с десятков лет после книг Гоулднера, анализу предпосылочных проблем. Это было частью интенсивного роста теоретической рефлексии американских социологов - группы теоретиков, аспирантов 1960 - 1970-х, пришедших к необходимости переосмыслить параметры социальной мысли.

В конце 1980-х, почти незаметно, этот "дух времени" исчез. Стремление постигать базовые принципы больше не структурировало социологическое воображение молодых. Даже эхо тех дебатов заглохло. В глухом каньоне социологических обследований, как их сейчас понимают, молодому социологу трудно понять - не будучи подверженным ностальгии и увлечению теорией - в чем суть споров о классах в себе и для себя, ожесточенных нападках на позитивизм и теорию модернизации, трепетного переосмысления классиков. Смысл их священных томов считался крайне и массово искаженным, их следовало спасать от профанов путем (пере)интерпретации. Этот период истории социологии закончился. Прежние умонастроения отошли на второй план. Парсонс задавал вопрос: "А кто сейчас читает Спенсера?" Спустя полвека Дж. Тёрнер писал: "А кто сейчас читает Парсонса?" Сегодня вопрос для социолога, жившего в годы Гидденса, Хабермаса и т.п., звучал бы так: "А кто сейчас читает Маркса, Вебера, Дюркгейма и вообще всерьез участвует в теоретических спорах?"

Каковы возможные причины отхода от дискурса теории? Одна причина практическая: увлечение теорией создало новые рамки для прогресса нормализующей эмпирической социологии. Фуко стал "основателем дискурсивности", позволяющей исследовать наблюдение и капиллярную власть; идея Гидденса о "позднем модерне" породила мириады "кейс-стади"; Хабермас теорией дискурса выдвинул на первый план социальные исследования коммуникации и публичной жизни; базовые идеи Бурдьё о габитусе и полях породили исследования "полей" общества, отношений габитуса и полей. Не забыли мы и новой программы исследований по культуральной социологии, которая, можно сказать, сложилась на пересечении идей Р. Барта, К. Гирца, М. Дуглас, с одной стороны, и более молодых - Э. Суидлер, М. Ламонт, Дж. Мейера, Дж. Александра - с другой.

Понимание возврата к эмпирическому как результата нормализации и рутинизации новых идей, возникших в ответ на конкретные социально-исторические события и процессы 1960 - 1970-х, естественно и соблазнительно. Но сдвиги в практике социологии редко так разумны и эффективны. Была еще и глубокая перемена в настроениях, сдвиг в структуре чувств социологов, смутное, но сильное ощущение, что время кризиса и обновления ушло, что надежды на теорию и мечты о ней - часть другого времени. Возможно, это чувство связано с социальной политикой Рейгана и Тэтчер, которые, к ужасу критических интеллектуалов, как казалось, подтвердили конец эпохи, приход в англоязычный мир нового социального равновесия. Может быть, просто возникло чувство - выраженное точно и грозно С. Сидменом (Seidman, 1994) - что "большой проект" в теории был связан с фазой модерна, историческое время которого минуло. Карьеры ведущих теоретиков поколения 1960-х подтверждают такой сдвиг и в субъективных ориентациях. Гидденс от высокой теории перешел к изучению глобальности и самости (self). Хабермас теорию поменял на право и Европу. Сидмен сменил споры о постмодерне на изучение сексуальности. Бурдьё разрабатывал эмпирику, применив свои программы в ряде исследований среднего уровня. Александр перешел к эмпирическим кейс-стади поп-культуры и гражданского общества. Появление постмодернистской социологии, расцветавшей больше всего в Англии и Австралии, - главное свидетельство "сдвига вниз". После Лиотара и Фуко, по примеру Гидденса, появился ряд точечных конкретных исследовательских программ - раса, здоровье, тело, бренды, эстетика, экономические отношения. Результатом стало новое знание социальных структур, возникшее за два десятилетия "пост-теоретических" трудов: сети, глобальные города, патриархат, нормы гетеросексуальности, хороший строй, память

тела, информационные рыночные системы, сложности, новые социальные движения, новый империализм, расовые режимы, пост-колониальность, перформативность, глобальность, экосистемы, новый космополитизм, второй модерн, новый национализм, жизненный путь, культурные структуры, гражданское общество.

Эти прекрасные новые вещи, конечно, надо знать. Но не потеряно ли что-то при возвращении к эмпирическому нынешних, выступивших после 1980-х годов социологов Европы и Америки, считающих себя и свой труд в принципе нацеленными на выявление социальных фактов и каузальных процессов? По нашему мнению, потеряно. При возврате к логике открытия: понять структуры мира путем наблюдения и подсчета, - произошла утрата дискурсивной возможности [3].

II

Возразят: теория жива, но по-другому. Не очевидно ли присутствие теории, спросят несогласные, в новых междисциплинарных исследовательских полях, определяемых и именуемых не по меркам XIX века, а по нынешним объектам: изучение гражданства, критическая теория рас, изучение сексуальности и сексуальных меньшинств, феминистская теория в ее пост-точка-зрения-версиях, постколониальные или культурные исследования? Может быть, не упадок "теории", а ее растворение, ее помощь в создании ряда социальных пространств, которым требуется объяснение? Может быть, в упадке некий один *вид* теории - единой, всеохватной, уверенной в себе и своих сциентистских амбициях?

Здесь есть зерна истины; к ним мы вернемся. Но заметьте (1), что такое растворение, если и имело место, само есть часть сдвига вниз, когда разные части теории не призваны общаться друг с другом на уровне обобщения и когда абстракции и языковые новации - необходимая часть социального теоретизирования - поставлены в положение обслуги конкретных, и конкретно различных, политических и культурных нужд. И (2) такой подход принижает единство чувств, которое все еще структурирует социальную-культурную-политическую теорию после 1980-х годов, даже если часть этих чувств - недоверие к универсалиям. На любой конференции по общественным или гуманитарным наукам вы быстро поймете, оперируют ли выступающие смыслами, структурирующими мир современной теории. Всерьез ли говорят ораторы о дискурсе, гегемонии, значениях? Считают ли они габитус важным или отбрасывают его? Верно ли они используют язык Вебера - социальное действие, интерпретация? Помнят ли о пересмотре Хабермасом проекта Просвещения? И т.д.

В смысловом мире современной теории свое множество языков, свои звезды-творцы (e.g. Paul Gilroy, Fredric Jameson, Homi Bhabha, Judith Butler), свои ключевые проблемы (империя, глобальность, различия и демократия, перформативность). Поразительно, насколько затеоретизирован этот мир, насколько он заразительно оторван от дисциплинарных поисков эмпирического социологическими методами. "Мир теории" социально/экономически/культурно изолирован от мира, в котором производятся, измеряются и верифицируются социальные факты. Конечно, в США разные журналы, разные конференции и, главное, разные места работы отдают учеников Джеймисона, Джилроя, Батлера от миров Чарльза Тилли, Майкла Буравого, Паулы Ингланд.

Выкроив для себя смысловой мир, теория пост-1980-х в нынешней форме отказалась (страдая от такой утраты) от места рядом с дисциплинами, получающими реальные деньги на исследования и статус "науки" - биологические, физические науки, и такие сферы, как экономика, политология, менеджмент, эпидемиология. Именно научный статус последней не только обещает, но и дает ей социальную легитимность, конвертируемую в финансирование. Социология раскалывается. Мощный мейнстрим испытал "возврат к эмпирике", а теория живет когда и где может, отвергая эмпирическое, тем и содействуя триумфальному возврату мейнстрима. В США мы по-прежнему ограничены "методологическим фетишизмом" (Appadurai, 1986), о чем говорит жалкий

характер двух наших общенациональных журналов. Хотя и не столь распространена в американской социологии, как после войны, вера, что мы должны говорить меньше и меньше о все большем и большем, так как лишь ограничивая себя в том, что мы хотим сказать, можно контролировать переменные и сохранять статистическую валидность. То же в британской социологии: социологи прибегают к вне-дисциплинарным философским заявлениям как источнику объективной истины. С этой новой философской позиции может казаться, что эмпирические аргументы позволят забыть историю самобичевания социологов и обрести новую, менее запачканную легитимность. Материальные стимулы раскола велики, но интеллектуальные потери еще выше. Под знаком нового эмпиризма выступает политика раскола и бедности в научном мире - теорию в учебники, приверженцев внеинституциональной и недофинансируемой дискурсивной мечты - в гетто.

Перед нами не контртезис о "живой теории", а два подхода к этому тезису. В социологии произошли активное забвение теоретических споров и возврат к эмпирике. С более общей позиции наук о человеке в среде западных ученых теоретическое сознание отделилось от эмпирически ориентированных и лучше финансируемых отраслей социальной науки. Остается ответить на вопрос: что потеряно при этом сдвиге?

III

Мы совершенно очевидно утратили формировавшееся тонко настраиваемое чувство ошибочности эмпиризма, развившееся в бурные десятилетия сдвига вверх. Практики-социологи больше не помнят - или отбрасывают как продукт релятивистского скептицизма постмодернистов - слова Парсонса (1937 г.): факты - это кусочки теории, принявшие конкретную форму. Но не будем выводить чувство ошибочности эмпиризма просто из осознания сути более революционной или свободомыслящей эпохи. Его двигали вперед также конкретные находки и изобретения интеллектуалов. Раз так, хочется верить, что это можно повторить.

Первой оспорила эмпиризм в 1960 - 1970-е гг. философия герменевтики. Именно тогда все стали читать и применять В. Дильтея, вместе с современным пониманием "интерпретивного" по сравнению с возможностями объясняющей науки, хотя этот дуализм в итоге стал философской преградой нашему самопониманию. Г. -Г. Гадамер, П. Рикёр, Ю. Хабермас, Ч. Тейлор, К. Гирц дали новую герменевтику, даже если при этом редко выходили за пределы идей Дильтея, порой и не повторяя их. Но просто возврата базовых положений герменевтики достаточно для демонстрации того, как социальные объяснения сдерживаются и воодушевляются опытом и чувствами социологов и их сообществ, как вызовы *субъектности человека оправдывают пересмотр базовых принципов социальной науки* (курсив ред. жур.).

Т. Кун в радикальной философии/истории науки, выстроенной вокруг концепций парадигмы и образца (*exemplar*), открыл новые горизонты теоретикам, горизонты, дополнившие и уточнившие прежнюю герменевтику. Кун настаивал на укоренении эмпирических данных и объяснений в *a priori* теоретических убеждениях, которые могли быть ортодоксальны, традиционны или революционно менять все представления. Были другие, более глубокие философы, бросавшие радикальные вызовы эмпиризму - У. Куин (W.V.O. Quine), Д. Дональдсон, П. Файерабенд, Р. Рорти. Но Кун был и остается самым ярким представителем этих настроений; он создал миф о началах новых "исследований науки".

Истинные теоретические послышки этих новых форм понимания со сдвигом вниз исчезли. Но заменила их не только самоуверенность цветущей эмпирической социальной науки, утверждающейся, как мы видим, столь мощно. Они отодвинуты в сторону некой подвижкой в самой философии, к конструированию естественных и общественных наук как форм "реализма". Инициатором был Ром Харре. К нему присоединились Рой Бхаскар и, по-своему, Марио Бунге. Отказавшись от корреспондирующих теорий истины, определяемой опорой на сенсорную перцепцию, реализм спас эмпирическое

и рациональность тех, кто это изучает, находя в нормальных научных практиках возможности обнаруживать объективность и истинность. В определенном фундаментальном аспекте реализм, несомненно, обогатил интеллектуальный дискурс, обеспечил "пред-научную" позицию, более гибкую и философски глубокую, чем позитивизм. Более того, эта позиция глубоко герменевтична, подкрепляя чувства практиков-естественников по поводу того, чем они занимаются: раскрывают невидимую структуру мира для объяснения природных явлений, которые можно наблюдать и измерять, особенно путем экспериментов. Как четко сформулировал Бхаскар (Bhaskar, 1975, 1979), это главное достижение, отличающее реализм от позитивизма и постмодернизма. Философия науки у реалистов претендует на способность понимать социальный и культурный мир ученых, искателей реального с иронизирующей дистанции ("эпистемный реализм"), и одновременно теоретизировать, как в итоге путем прагматичного изучения мира, имеющего онтологическую структуру, коллективный проект науки способен на рационализм суждений. Трансцендентирующая онтология синтезирует социологию науки и философию науки, подтверждает рациональность людей в долгосрочном и коллективном смысле.

Но глубокий скепсис Р. Харре по поводу критического реализма как эпистемологии *социальной науки* (Harre, 2002b) показал, что нужно быть осторожным, не приравнивать убеждение в способности понять социальную реальность к онтологической опоре на реализм эксплицитной эпистемологии социологов. Для социальной науки реализм - в форме строгой науки или критики - в конце концов интеллектуальный шаг назад, иллюзия герменевтической умудренности ради несостоятельной, в итоге, метафоры, связавшей каузальность сил природы с онтологической теорией эмерджентных структур общества как основы *социологического* объяснения (King, 2004; Kemp, 2005; Reed, 2008). В более утонченных формах научный реализм сможет синтезировать социологию и философию *естественных наук*, продемонстрировать, как прагматика экспериментов дает ясное однозначное средство коммуникации и рациональности ученым, которые в противном случае будут пленниками капризов своих жизненных миров, тем самым дав возможность физикам говорить друг другу истины. И каким простым и наивным не было бы это утверждение (над ним часто смеются реалисты и эмпирицисты), факт налицо: у атомов нет жизненных миров и по этой причине возможности строить интерпретации по поводу людей на основе прагматической манипуляции природным по-прежнему отличаются от возможностей обосновать интерпретацию и объяснение намерений племени, например, Азанде [4]. Под знаком реализма возврат к эмпирическому ставит скобки вокруг тревожно фрагментированной природы современной социальной науки, несоизмеримой природы расхождений в ней и (это становится все яснее) этического статуса ее *исследований*. Удивительно, сегодня самые "спекулятивные", морально и теоретически обоснованные исследовательские программы, например, работы З. Баумана, Н. Роуза (Nikolas Rose), Д. Хелда, подаются как формы фактуальной аргументации, построенной на эмпирическом знании, подкрепленные изучением дисциплинарной методологии.

Во всем этом есть симптом сдвига вниз - частое и неудачное объединение общего в теоретическом дискурсе со сциентизмом и натурализмом. В мире современной теории господствует мнение, что антипозитивизм подразумевает эгоизм эксклюзивно западного научного разума (и подразумевается им). Стремление Фуко встраивать аргументы в теоретической полемике в конкретные и дискретные исторические поиски крайне важно, но и ошибочно в данном смысле. Многие пошли по пути этого ироничного "удачливого позитивиста" и интернализовали его подозрительность к глубинам интерпретации - якобы дискурсивному прикрытию единого разума. Можно предположить также, что оправданная блестящая критика и переделка психоанализа феминистами здесь также сыграли роль. Работу на общем уровне интерпретации стали считать упражнениями в патриархате.

В контексте этой полемики не удивляет, что "критический" реализм стал обязательным дискурсом не только социологов-эмпириков, но и теоретиков. Обеспечить

себе позицию эмпирической ответственности, моральной критики и теоретической обоснованности; извлекать ценности из фактов; вернуть себе объединяющую силу марксизма, не беря на себя нужных в этом случае политических обязательств, - соблазнительный шанс для теоретика жалкой эпохи сдвига вниз и "выход" из конфликта науки и антинауки.

В условиях текущего момента реализм поэтому *нарративно* удовлетворителен. Он объясняет способность своих приверженцев не замечать пробелы и дыры в теории. Реализм - третий акт драмы, разрешившей противоречия, открывшиеся в 1960 - 1970-е годы (Акт I), преодолевшей страхи релятивизма и иррелевантность скептиков-постмодернистов, войны в учебных программах 1980-х (Акт II). Главные артисты второго акта - гипер-рефлексивные антропологи - исполнили эдипово умерщвление Гирца, Салинса (Sahlins) и др. Вместо того, чтобы сказать, как Саид, что ориентализм - заблуждение, продиктованное особенностями конкретной эпохи истории, Дж. Клиффорд объявил все этнографические наблюдения аллегориями. Далее группа "Написание культуры" пригрозила всем обществоведам, что они пишут в интересах глобальных капиталистов и колонизаторов - под знаком слов Фуко "знание сделано для рубки" (knowledge is made for cutting). К счастью для многих, дело спас в третьем акте Р. Бхаскар. Спас ли? [5].

IV

Возможен иной рассказ и с ним иной эпистемный вывод. Из интереса к новому эмпирическому миру (и в этом самом мире) возникли устремления к культурному, что последовало после потрясений 1960 - 1970-х. Когда антропология вступила в полосу кризиса, секция социологии культуры Социологической ассоциации США только возникла, а историки культуры в стране брали уроки у Гирца, Куна и Барнарда Бэйлина (Baylin), стремясь пересмотреть объяснения истории Запада и историографию вопроса (напр.: White, 1973). Окончание теоретического духа времени в социологии вылилось в иной Акт II: медленное, настойчивое, эпистемологически наивное, но в итоге весьма продуктивное развитие социологических исследований культуры. Сегодня в АСА секция культуры самая многочисленная; она больше секций классических разделов социологии: социальные движения, классы, политика, стратификация и т.п. В Англии журнал *Theory, Culture & Society* если не ведущий в стране, то самый влиятельный в мире. Показательно, что первый новый журнал Британской ассоциации социологов за последние 20 лет называется *Cultural Sociology*.

В секции культуры АСА можно найти те же жесткие версии эпистемологического противостояния, некогда волновавшего теоретиков-самоучек - позитивисты против реалистов, против герменевтики, против прагматизма; культура политики против политики культуры; производство и потребление; локальное знание и общие претензии. В работах большинства членов секции культуры споры "сдвинуты вниз" - встроены и понимаются в пределах эмпирических исследований. Но в этих бурных дебатах виден потенциал возобновления метатеоретических дискуссий, которые могут обогатить наше самопонимание и, более того, качество нашей эмпирической работы. Достижения культуральной социологии могут указать на проблемы эпистемологии. "Окультуренная эпистемология", полагаем, затрагивает два главных тезиса: (1) эмпирические объекты в социологии двозначны, то есть участвуют как знаки в двух системах смыслов, никогда полностью не совмещающихся; (2) социология в своем производстве и в стремлении к истине - это перформанс¹, состоящий из речевых актов - символических и конотативных в той мере, в которой они констатирующие и денотативны. Первый тезис косвенно касается гипостазированного отношения теории и реальности в социальном исследовании; второй выражает языком теории перформанса активные

¹ *От переводчика:* поскольку этот термин часто встречается ниже, считаю целесообразным передать (не перевести) смысл, в котором его употребляют авторы. Ближе всего он к русским словам - *исполнение, исполнительство, исполнительское мастерство*.

процессы, в которых теория и эмпирические данные используются в конструировании **социологических** объяснений.

Предлагая свои тезисы для дальнейшей разработки, мы пытаемся вернуть назад эпистемологию и идти вперед, по меньшей мере выдвинув более комплексный знакомый культурально-социологический аргумент: культура "учредительна" для социального; все мнимо "твердые" социальные структуры фактически пропитаны "мягкой" культурой и зависят от нее. Такая практика имеет место. Но вопрос стоит так: что влекут за собой эти аргументы в плане конструирования **социологического** знания? Полагаем, что аргументы "за культуру" наполовину слишком онтологичны: они ставят вопрос культуры в грамматике (как у Цезаря) научного реализма, утверждая, что культура сила большая по эффективности, чем оппортунизм политических структур и экономические ресурсы. Они не ответят на эпистемный вопрос: если всё управляемо смыслом, имеет ли значение то, что социологи считают себя ориентированными на эмпирические факты, а не на доказательство личного мировоззрения? Мы против боязни релятивизма, которая преследует культуральную социальную науку. Мы считаем, что для эпистемологии социальных наук результаты культурного поворота более комплексны и не бросают серьезного вызова амбициям социальной науки Просвещения.

Начнем с резко анти-позитивистской мысли: проведение эмпирического **исследования** - это "чтение", не "наблюдение". Да, мы ориентированы на то, что видим, можем фиксировать, иногда измерить. Без данных о социальной жизни социология не может существовать как дисциплина. Что мы делаем с данными? Встраиваем их в свою теоретическую систему смыслов, тем самым описывая *системы смыслов в социальном мире, в котором укоренены эти данные*. Продукты истины эмпирической социальной науки - это системы знаков соотношения означаемое/означивающее. Знаки истины входят в *двойную* референтную систему мира смысла научной социальной теории, с одной стороны, и мира смысла, "окружающего" социальное действие - с другой. Тогда референтные реалии **социологического** объяснения - это смыслы, часть из которых затвердела, превращена в "твердые" политические и экономические структуры. Но эти реалии постижимы только через наши исследовательские смыслы, что, если говорить о хороших теориях, хороших идеальных типах, хороших моделях социального процесса, даёт возможность эффективной интерпретации. Эмпирические объекты "говорят с нами"; мы всячески честно стремимся "знать" их, и то, что их объясняет. Но все, что мы фактически можем, это "знать" их так, как знаем объекты эстетики, - нашими надеждами, чувствами, ментальными картами и устремлениями. Отличие от эстетического знания в том, что в социальной науке наши знания превращены в рационализированный, абстрактный и жесткий дискурс сущности социальной теории. "Эмпирическое" подвешено между двумя системам знаков: наших теоретических представлений и наших объяснительных (постфактум) представлений об исследуемом.

Здесь прямая инверсия взглядов критического реализма. Эта философия науки считает, что ученый-обществовед *начинает* с герменевтической операции знания смыслов акторов и от неё движется к базовым реальным "структурам" превращая пред-научное в научные концепты. Наша позиция, напротив, ставит герменевтику в конец, равно как и в начало, операции **социологического** объяснения. Социальную науку можно понимать как диалектику, перемещающуюся между сильной и слабой герменевтикой. Слабая герменевтика - это операция фиксации наблюдения; ознакомление со странными действиями, словами и мыслями; организация количественных и качественных данных. Операции сильной герменевтики противоположны - они четко предполагают наличие структур смыслов, масштаб и прочность которых нужно обсуждать, соотнося их с теоретическими концепциями и зафиксированными данными. Бхаскар - по Марксу - убежден в *противоречии* внешних концептов и глубоких реалий, что объясняет не только эмпирические данные, но и интерпретацию социальными авторами (это идеология). Как К. Гирц и ранний М. Фуко, мы сомневаемся в так называемом "открытии" глубинных структур. Мы полагаем, что в них меньше открытия,

чем интерпретаций, смысловых структур, возникающих при взаимодействии с упрямой социальной реальностью; ее (слабо)герменевтической реконструкцией как данных; культурными структурами социальной теории; структурами чувств самих исследователей. Вместо логики научного открытия социологи прочно вовлечены в некую глубинную игру в эпистемологию, рискуя своими внутренними смыслами в попытках понять внутренние смыслы других и вещи, реальность которых вне нас [6].

Говоря по-иному, эмпирические объекты, даже если существуют онтологически вне нас, текстуальны: они находятся внутри социального текста. То есть нужна текстуальная теория, чтобы понять, что мы делаем, когда их читаем. Мы полагаем, что когда используем свой теоретический аппарат, эмпирическое становится обозначаемым нашими обозначителями. Наши описания эмпирических объектов нужно считать не раскрывающими "реальный" мир, а знаками, которые объединяют теорию и наблюдение, используя их. И смыслы, созданные для описания, становятся фактами, на которых мы строим, создаем наши объяснения. В этих объяснениях знаки (содержащие теорию и наблюдения) становятся обозначителями второго порядка знаков, где обозначаемые - глубинные смыслы, помогающие нам объяснять социальное действие - невидимые структуры культур. То есть нет ни строго дедуктивной связи теории и данных, ни строго индуктивной связи данных и объяснения. Более того, нет прямого онтологического референта для теоретических терминов. Скорее при использовании теории для интерпретации данных всегда есть разрыв, момент различия между социальным миром и его конструкцией в теории (как система смыслов в себе) и социальным миром предполагаемых, означаемых, смысловых систем, которые случайно подверглись сбору данных о реальном мире и к которым, согласно эмпирически-рационально-дисциплинарным правилам социальной науки, должны быть открыты ее (науку) практикующие.

Хотя эта реконструкция интерпретивной эпистемологии подчеркивает важность и относительную независимость данных, она также придает более важную роль структурам культуры и герменевтической интерпретации. Ниже приведена прекрасная цитата Гирца [7]. Он сферу действия герменевтического метода, сосредоточенного на смысле, свел до задачи объяснения культуры: "Репертуар очень общих, изготовленных в науке концептов и их систем: "интеграция", "рационализация", "символ", "идеология", "этос", "революция", "идентичность", "метафора", "структура", "ритуал", "мировоззрение", "актер", "функция", "священное" и, конечно, сама "культура" - вплетен в тело плотного описания этнографии - в надежде сделать просто случаи научно значимыми. Цель такова: извлечь большие заключения из малых плотно текстурированных фактов; подкрепить широкие заверения о роли культуры в создании коллективной жизни сопоставлением их как раз со сложной спецификой" (Geertz, 2000b: 28).

На наш взгляд, эта характеристика социально-научной эпистемологии неполна, так как косвенно ограничивает укорененность факта-в-теории "описанием" культуры. Как мы это видим, культурализация эпистемологии применима к изучению каждого экспланандума, не только к мягким переменным, но и самым реальным, действенным и сильным социальным структурам.

Пример: работа Джудит Батлер о перформативности секса/гендера. Это настоящий образец эмпирического "открытия", выход на совершенно новые области нормального научного исследования в социологии. Работа Батлер - бесчисленные эмпирические данные о системе секс-гендер как социальной структуре, жесткость которой неоспорима, структуре, воспроизводимой ежедневным исполнением в сочетании с системами социальной санкции, включающей открытое насилие и институционный режим дискриминации. Но как конкретно Батлер пришла к "открытию" и этим смогла положить начало социологии сексуальности? Использованием мира теоретических смыслов, произведенных, среди прочих, Фуко, Остин, Дерридой, Гофманом, Тернером и Виттигом. Априори используя их, она ре-интерпретировала самые базовые "наблюдаемые данные", каждодневный акт "бытия" мужчин и женщин в современном западном обществе, как "делать гендер". Книга *Gender Trouble* показывает сложный

процесс эпистемологического пере-обозначения в действии; смыслы теории влияют на данные, которые затем дают новую пост-предполагаемую (смысловую) структуру, показанную как целое, объясняющее части.

Вместо собственной идентификации, служащей решающей причиной, гендерная идентичность переосмыслена как лично-культурная история получаемых смыслов, на которые воздействует набор практик имитации, относящихся вторично к другим имитациям, и которые вместе конструируют иллюзию первичного и внутренне-гендерного селф, пародируя механизм такой конструкции. Только нечестные подозрения теоретиков-реалистов могут намекать, что теоретические новации Батлер призывают к радикальной свободе гендерного перформанса - как будто ее новые теоретические данные о секс/гендерном перформансе прямо и онтологично относятся к прирожденной способности каждого в любое время отбросить иго социальной структуры. Конечно, ее основной аргумент противоположен - идентифицировать радикальный размах гетеро-нормативности как системы власти и контроля. Если понять, что Батлер указывает на то, что эта социальная структура есть остаточная и институционализованный структура смысла, мы поймем, что интерпретация смысла - путь к его пониманию. Под влиянием новых теоретических идей и новых идеологических веяний Батлер смогла пере-означить секс/гендерную систему, создать объект для эмпирии и новую объяснительную модель. Она не предлагает новую онтологию секса и гендера, а ставит в центр социальный перформанс, указывая, что онтологический вид теории ослабит и парализует эмпирические прозрения: "Перформативность гендерности тела показывает, что у него нет онтологического статуса, кроме различных действий, учреждающих реальность. А это говорит и о том, что если реальность фабрикуется как внутренняя сущность, эта самая внутренность - результат и функция четко публичного социального дискурса, публичного регулирования фантазии политикой поверхности тела, гендерный контроль границ, отделяющих внутреннее от внешнего; тем самым институируется "цельность субъекта" (Butler, 1999: 173).

Не культура учреждает социальное. Точнее сказать, что социальное лучше понимать в терминах, используемых теорией "культуры", чем в терминах теории "природы". Если же говорить онтологически, социальные структуры - это отложения структур культуры, кристаллизованные структуры смысла, столь глубоко укоренившиеся и легитимированные, что производят материальные стимулы подчинения и наказаний за девиацию. Социальные структуры сопоставимы с законами - не природы - права: глубоко укорененные предпочтения с добавлением санкций. Мы предлагаем альтернативу бравым одиночкам "наблюдающим" и "тестирующим" социологам, имеющим дело с голой эмпирической или давящей онтологической реальностью глубоких структур. Эмпирическое изучение общества означает комплексное двое-чтение. Социальные акторы "читают" реальность, двигаясь прагматически в своих смысловых системах; мы "читаем их" и, пытаясь проникнуть в их собственные уклады, используем свои смыслы. Если это удастся, у нас есть начала социологического объяснения [8].

V

Итак, социолог подходит к данным с набором теоретических представлений и пытается получить набор пост-представлений - смыслов, "учреждающих" социальную реальность, которую социолог, интерпретируя данные, намерен объяснить и восстановить. Глупо ждать, что рациональность дискурса социологов вырастет из этой реальности путем рациональности и тем самым универсальной понятности акторов-людей, которых мы изучаем, или на пути онтологической устойчивости социальной структуры. Именно на самопонимании различий - "другие сторожа других овец в других долинах" (Geertz, 2000b: 30) - построена сама способность социологии объяснять. И, вопреки трудам Хабермаса, возможности понимать социальное действие и предлагать, следовательно, его герменевтические объяснения не равнозначны диалогической способности сомневаться в его рациональности. Как раз наоборот.

Когда социологи публикуют полученные данные и открывают **исследования** пытливым взорам коллег, без сомнения, некая процедурная рациональность имеет место. Но нужна более глубокая модель научной жизни, нежели картина разумной беседы или даже внешней критики, чтобы понять, что происходит, когда социологи выдвигают факты и разбирают теории. Считаем, что эту модель нужно скорее считать социальным перформансом (Alexander, 2006). Социолог должен публиковать свое понимание производством и проекцией научных текстов. И наблюдательное чтение становится написанием, поскольку социолог пытается убедить коллег в истинной ценности своего труда. Нужно предложить пронизательную интерпретацию, объяснять набор социальных действий и социальных укладов, интересных сообществу ученых, - Французская революция, американские выборы, падение доходов среднего класса, истоки западного капитализма. В письменном и устном обращении к аудитории текст ученого не только констатация, но и перформанс; это усилия по созданию, представлению и изменению социального мира, реальность которого делает данные надежными, вероятными и даже необходимыми.

Тогда "эмпирическое" будет средством производства символов, критически важным элементом профессионального или публично-социологического перформанса. Серьезно сдерживая способность убеждать, наши перформансы (в *смысле качества исполнения - прим. переводчика*) сдерживаются (и обеспечиваются) многими элементами перформанса (*исполнительского мастерства - то же*). Мы зависим от приемлемости для данной аудитории философских посылок и каузальных рамок, входящих в исследовательскую программу социолога. Мы зависим от институциональных структур власти в обществе - финансирования, властных, университетских, профессиональных организаций, регулирующих публикации и их распространение. Наконец, - от сравнительных глупости или креативности самого социолога, элемента перформанса, действенность которого так же изменчива, как всякие данные. Сциентистские или научные поиски становятся перформансами, которые фиксируются циркуляционными сетями символического обмена, "информацией" о признании (Hagstrom, 1965). В этих обоюдных перформансах продюсеры становятся критиками, социальные власти - аудиториями, а критики опять делаются продюсерами. Именно плюрализм и комплексность циркуляционных сетей символического обмена - дифференциация элементов научного перформанса - в итоге определяют потенциал достижения рациональной истины.

Эта модель применима к производству текстов в естественной науке, но перформанс претензий на истину в науках социальных обладает особой динамикой. В отличие от естественной науки перформативное исполнение социально-научного знания требует от социолога делать одновременно *два* полных смысла мира - мир коллег и мир объекта **исследования**. Наш текст должен открывать мир, который объясняет факты в терминах мира, в котором они теоретизируются. Поэтому здесь всегда есть дедукция и индукция, прагматика и синтагматика, денотация и коннотация, "объяснение" (понять основу того, что определяет наш анализ действий других) и "интерпретация" (зависящая от наших теорий и нашей интуиции в этом самом понимании). А между двумя мирами смысла всегда будет разрыв, различие. Это не ведет к свободе фантазии и иррациональному релятивизму, не отменяет ответственности за эмпирику, а уходит от онтологической безопасности объекта и от рациональности конкретного исследователя в выборе близких а) смыслов теории, б) смыслов конкретного случая. Эти смыслы могут "понять" (*grasp*) друг друга - двери для **социологического** понимания (*grasp*) и объяснения действия [9] распахнуты. Взаимное понимание - необходимое, но не достаточное условие признания истинности сообществом ученых, аудиторией, которая признает правдоподобность только на основе перформанса.

VI

Давно, когда начинался "сдвиг вверх", Ж. Деррида полагал [10], что структурализм, тогда доминировавшая универсальная научная теория французской этнологии, содержит свою критику. Внимательное изучение теоретических текстов Леви-Стросса навело Дерриду на мысль, что дискурс онтологии в науках о человеке - иллюзия,

что главные теоретические различия (например, между природой и культурой) - полезны именно как интерпретивные инструменты понимания тех или иных социального образования, мифа, и как помощь в показе нам того, как "онтология" социального всякий раз меняется благодаря силе социального смысла.

В нашей конструкции мифа Дерриды и скептицизма постмодернистов мы, возможно, упустили вопрос о "Структуре, знаке и игре в дискурсе гуманитарных наук". Наша деконструкция наук о человеке не показала, как они невозможны, скорее, обозначила условия их возможности: ученым в социальных науках нужно использовать теории для понимания смыслов, им чуждых, всякий раз повторяя эмпирическое творение истины, которая не накапливается, а распыляется. Распыляемая ими истина имеет форму не некой реальной редукции до фундаментальных структур социального, а скорее понимания разных форм жизни, произведенных обществами посредством смыслов.

Гадамера интерпретировали неверно как раз по этому поводу - хотя в обоих случаях часть вины лежит на самих философах. Он тоже полагал, что науки о человеке по необходимости построены на посылке о попытке понимания смысловых миров, в которые погружены другие социальные акторы, и что социологи по необходимости внесут в эту попытку определенные исходные положения. Его тоже считали релятивистом, полагающим, что рациональность и эмпирическая ответственность в социальной науке невозможны. Рациональность социальной науки зависит от разрыва с онтологией, от признания, что претензии на истинность получаемых данных как-то связаны со способностью теорий интерпретировать структуры наличных, но невидимых социальных смыслов. В этом случае возврат к эмпирическому ведет к утрате способности вести обобщающие дискуссии о теоретических средствах, позволяющих выполнять наши конкретные интерпретивные задачи. Объявляя о конце эры теории, С. Сидмен недавно писал, что скептицизм постмодернистов остался - по иронии - в намерениях и целях на уровне высоких обобщений [11]. Но сдвиг вниз также вернул многих исследователей назад к эмпирическому. Мир опять расколот на теорию и факты. Это ложная дилемма. Чтобы избежать ее, мы предлагаем возможности культуральной социальной науки. Эта наука исторически обусловлена, она теоретически оформлена, ответственна к эмпирике, внимательна к эпистемологии, ищет валидность объяснений. Интеллектуальное развитие последнего полувека создало условия такого нового понимания. Культурально-социологическая теория эпистемологии, показанная нами, - логический результат.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Идея сдвига "вверх" и "вниз" выдвинута С. Сидменом и Дж. Александером во "Введении" к *The New Social Theory Reader* (2008). Она применима не только к этому периоду. Во время кризиса идея сдвига вверх, к общим принципам созвучна идее "генерализации", высказанной Н. Смелзером (1962) в теории коллективного поведения.

[2] Примечательно быстро и полно забыт труд Гоулднера. Это, конечно, связано с его уходом со сцены; но глубже его объясняют распад кризисного периода и сдвиг вниз в социологии. Интересно, как сам Гоулднер отреагировал бы на это?

[3] О понятии "калькуляции", синтезирующем качественные и количественные подходы, см. Callon and Law (2005).

[4] Тема роли идеологии, известная из рассказа о Бхаскаре, - он мог назвать свою "Возможность натурализма" "Невозможностью натурализма", заслуживает отдельной статьи. Одно из крупных дискурсивных достижений реалистов то, что они смогли отвергнуть и применить герменевтику, оставив у многих впечатление, что лучшее из герменевтической социологии взято на вооружение "критическим" реализмом, а проблем у интерпретивной социальной науки больше нет. Мы полагаем, что реализм в социальной науке ушел от проблем интерпретации, а не разобрал, понял их и пошел вперед.

[5] Ирония в том, что если мы говорим о философии науки, именно трансформированная и ставшая антиреалистской эпистемология Харре (Harre - учитель Бхаскара) полезна при объяснении "смысла", о чем говорит критический реализм. "Некая материальная вещь как социальный объект, - отмечает Харре, - это лишь тотальность тех требований, которые ее приверженцам дает использование нарратива" (Harre, 2002a: 30).

[6] Есть некое сходство наших взглядов и взглядов феноменологов, в частности Гуссерля и Шютца. Они, вместе с герменевтикой, эффективно введены в англоязычную социологию в 1960 - 1970-е гг. Гарфинкелем и его последователями. Эта традиция по-иному выражена П. Винчем (Winch) в философии бытового языка, последних трудах Витгенштейна, в методологии классического труда Вебера "Идея социальной науки и ее отношение к философии" (1958). Однако эту традицию интерпретировали, и она интерпретировала себя, онтологически. Часто этнометодологию и труды Винча понимают в связи с неким "поверхностным строем" концептов и правил, или микропорядком действий, взаимодействий и пониманий. (Здесь сильны влияния Бхаскара, особенно его критика Винча как представителя герменевтической традиции в "Возможности натурализма" (1998: 120 - 59).

Такая интерпретация значения феноменологии для социологии достойна всяческого сожаления. Мы считаем, что философские послышки феноменологии не обязательно переводить в микросоциологию интеракции. Они скорее обозначают постоянный герменевтический императив исследования фоновых смыслов, в первую очередь делающих возможной интеракцию; их нельзя детерминировать онтологически. Иными словами, философия сознания полностью совместима с эмпирически обоснованными попытками реконструировать огромные дискурсивные образования (Foucault, 1965, 1971, 1972); понять этос, мировоззрение и священные символы (Geertz, 2000a); реконструировать историческую и культурную специфику даже самых внешних "структурных систем" (Dilthey, 1976: 192).

[7] Гирц, к сожалению, часто минимизирует роль теоретической стороны сбора данных и объяснения, камуфлируя как просто "плотные описания" то, что на деле является социологическими данными, прочно встроенными в глубокую теоретическую мудрость, внесенную им в этнографические изыски. Этот аргумент - одна из ведущих тем рубрики "Клиффорд Гирц и сильная программа" в журнале "Cultural Sociology" (July 2008) во введении к книге Александра (Alexander, 2008) и более философской книге Рида (Reed, 2008).

[8] Несмотря на сходство терминологии, наша точка зрения противоположна теории структуризации Гидденса, вопреки его настойчивым заверениям об "антропологическом моменте", "двойной герменевтике" при характеристике онтологии социального. Аналогично более открытым коллегам-реалистам, герменевтика Гидденса следует его социальной онтологии. Последнюю он считает стержневой проблемой социальной теории; он редко в своих макросоциологических исследованиях социальных структур обращался к проблеме смысла. (Его последние работы о микросоциологии самоидентичности - отдельная, интригующая история, хотя и в целом неотрефлексированная в терминах теории). Говоря теоретически, Гидденс применяет термин "двойная герменевтика" к трем взаимосвязанным идеям, выходящим - так или иначе - на его центральную проблему рефлексивности: (1) социологическое знание возвращается в (влияет на) социальный мир, объект исследований ученого ("нельзя полностью отделиться от рефлексивности, так как социолог-наблюдатель, публикуя свои данные, теряет контроль над ними" (Giddens, 1993: 13)); (2) при "позднем модерне" это возвращение - часть общей, институционализированной рефлексивности ("двойная герменевтика тем самым неотделима от сдвинутой, фрагментированной природы модерна как такового, особенно в фазе "высокого модерна" (Giddens, 1993: 9)); (3) в принципе социологическое исследование должно включать знание о знании акторов, постоянно обрабатывать и анализировать анализ агентами собственных действий ("Вся социальная наука неизбежно герменевтична в том смысле, что способность описать "что кто-то делает" в любом данном контексте означает - знать, что сами агенты (агент) знают и применяют в учреждении своих действий" (Giddens, 1993: 13)). У Гидденса главное в спорах о действии и структуре - язык "двойной герменевтики" в доказательстве меры знания (knowledgeability) агентов и роли рефлексивности в интеракции. Более того, в макросоциологии - в ранних трудах о власти, структуризации, модерне и поздних работах о глобальности, Гидденс, как правило, использует язык рефлексивности и "герменевтики" как способ обсуждения интеракционных ограничений на меру знания акторов о структурах, идентичность которых не проблематична. Это совмещение герменевтики с возможностями и с мерой знания акторов - в принципе или в позднем модерне - глубоко искажает герменевтическую традицию в социальной теории и, что важнее, подрывает способность герменевтики обеспечить социологам эмпирически обоснованные выводы. Посылку феноменологов, что социальная наука не может уйти от факта, что ее "объект" - люди, наделенные субъективностью, мы, конечно, тоже приемлем.

Но это не то же самое, что делать рефлексивность центральной онтологической категорией социальной теории или меру знания агентов - центром любого объяснения действия. Более того, именно культурные предпосылки знания или неведения агентов, их интересы следует герменевтически прояснить, чтобы отчет социолога о действии имел объяснительную силу. Иными словами, в противоположность Гидденсу мы хотим, чтобы герменевтическая социология разясняла, как структуры смыслов оказываются центром социальных структур власти. Хотя эти спаянные смысловые структуры могут быть вообще вне контроля того или иного набора социальных акторов, они остаются исторически обусловлены и субъективны в онтологическом статусе. Эти структуры образуют среду действия, в которой работают акторы, более или менее умело "читая" и "исполняя" (Alexander, 1988, 2004; Alexander, Giesen et al.,

2006). Социальная наука - это прочтение исполнения в рамках среды действия. Особенность такого взгляда и его отличие от онтологии Гидденса можно четко увидеть не только в культуральной социологии, на которую мы ссылаемся, но и в трудах (после 1960-х) по культурной антропологии (Sahlins, 1976; Douglas, 2002) и истории культуры (Sewell, 1980; Darnton, 1984). О сходствах взглядов Гидденса и социальной теории реалистов см.: Stones (2001). Критику влияния "действие-центричной", сложившейся под влиянием Гидденса социальной онтологии в американской социологии культуры см.: (Reed, 2002). О связи эпистемологии, предложенной нами, с феноменологической и этнометодологической традициями, на которые опирался Гидденс в ранних трудах, см. примечание 6.

[9] А это была, по нашему мнению, методологическая находка Вебера: "Истинно каузальная интерпретация конкретного хода действия достигается, когда реальное действие и мотивы были корректно поняты и в то же время их отношение стало осмысленно понятным" (Weber, 1978: 12).

[10] Лекция Дерриды в университете Джона Гопкинса в 1966 г. "Структура, знак и игра в дискурсе наук о человеке" J. Derrida, *Writing and Difference* (1978).

[11] В книге "Конец эпохи" Сидмен (2003: 5) писал: "Постмодернистские мыслители, однако, так и не ушли от общего теоретизирования... Но эти теоретики часто не признавали своих собственных общих теоретизирований, не перепроверяли свои базовые посылки".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Alexander J. (1982) *Theoretical Logic in Sociology*. Berkeley: Un-ty of California Press.
- Alexander J. (1988) *Action and its Environments: Toward a New Synthesis*. New York: Columbia Un-ty Press.
- Alexander J. (2004) "Cultural Pragmatics: Social Performance between Ritual and Strategy", *Sociological Theory* 22(4): 527 - 73.
- Alexander J., Giesen B. et al. (2006) *Social Performance: Symbolic Action, Cultural Pragmatics, and Ritual*. Cambridge: Cambridge Un-ty Press.
- Appadurai A. (1986) *The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective*. Cambridge: Cambridge Un-ty Press.
- Bhaskar R. (1975) *A Realist Theory of Science*. Leeds: Leeds Books.
- Bhaskar R. (1979) *The Possibility of Naturalism: A Philosophical Critique of the Contemporary Human Sciences*. Atlantic Highlands, NJ: Humanities Press.
- Bhaskar R. (1998) *The Possibility of Naturalism: A Philosophical Critique of the Contemporary Human Sciences*, 2nd edn. London: Routledge.
- Bourdieu P. (1977) *Outline of a Theory of Practice*. Cambridge: Cambridge Un-ty Press.
- Butler J. (1999) *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. New York: Routledge.
- Callon M., Law J. (2005) "On Qualculation, Agency, and Otherness", *Environment and Planning D: Society and Space* 23: 717 - 33.
- Darnton R. (1984) *The Great Cat Massacre and Other Episodes in French Cultural History*. New York: Basic Books.
- Derrida J. (1978) "Structure, Sign, and Play in the Discourse of the Human Sciences", in *Writing and Difference*. Chicago: Un-ty of Chicago Press.
- Dilthey W. (1976) "The Construction of the Historical World in the Human Studies", in H.P. Rickman (ed.) *Dilthey: Selected Writings*. New York: Cambridge Un-ty Press.
- Douglas M. (2002) *Purity and Danger: An Analysis of Concepts of Pollution and Taboo*. New York: Routledge.
- Foucault M. (1965) *Madness and Civilization: A History of Insanity in the Age of Reason*. New York: Pantheon Books.
- Foucault M. (1971) *The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences*. New York: Pantheon Books.
- Foucault M. (1972) *The Archaeology of Knowledge*. New York: Pantheon Books.
- Geertz C. (2000a) "Ethos, Worldview, and the Analysis of Sacred Symbols", in *The Interpretation of Cultures*. New York: Basic Books.
- Geertz C. (2000b) "Thick Description: Toward an Interpretive Theory of Culture", in *The Interpretation of Cultures*. New York: Basic Books.
- Giddens A. (1971) *Capitalism and Modern Social Theory: An Analysis of the Writings of Marx, Durkheim and Max Weber*. Cambridge: Cambridge Un-ty Press.
- Giddens A. (1979) *Central Problems in Social Theory: Action, Structure, and Contradiction in Social Analysis*. Berkeley: Un-ty of California Press.
- Giddens A. (1984) *The Constitution of Society: Introduction to the Theory of Structuration*. Berkeley: Un-ty of California Press.
- Giddens A. (1993) *New Rules of Sociological Method: A Positive Critique of Interpretative Sociologies*. Stanford, CA: Stanford Un-ty Press.
- Gouldner A. (1970) *The Coming Crisis of Western Sociology*. New York: Basic Books.

- Gouldner A. (1974) *The Dark Side of the Dialectic: Toward a New Objectivity*. Dublin: Economic and Social Research Institute.
- Habermas J. (1971) *Knowledge and Human Interests*. Boston: Beacon Press.
- Habermas J. (1984) *The Typology of Communicative Action*. Boston: Beacon Press.
- Hagstrom W.O. (1965) *The Scientific Community*. New York: Basic Books.
- Harre R. (2002a) 'Material Objects in Social Worlds', *Theory, Culture & Society* 19(5/6): 23 - 33.
- Harre R. (2002b) 'Rom Harre on Social Structure and Social Change: Social Reality and the Myth of Social Structure', *European Journal of Social Theory* 5(1): 111 - 23.
- Kemp S. (2005) 'Critical Realism and the Limits of Philosophy', *European Journal of Social Theory* 8(2): 171 - 91.
- King A. (2004) *The Structure of Social Theory*. London: Routledge.
- Reed I. (2002) 'Book Review: Ann Swidler, *Talk of Love: How Culture Matters*'. *Theory and Society* 31 (6): 785 - 94.
- Reed I. (2008) 'Justifying Sociological Knowledge: From Realism to Interpretation', *Sociological Theory* 26(2): 101 - 29.
- Sahlins M. (1976) *Culture and Practical Reason*. Chicago: Un-ty of Chicago Press.
- Seidman S. (1994) *Contested Knowledge: Social Theory in the Postmodern Era*. Oxford: Blackwell.
- Seidman S. (2003) 'The End of an Era: Becoming a Theorist', *Perspectives* 26(4): 2, 5, 7.
- Seidman S., Alexander J., eds (2008) *The New Social Theory Reader*. New York: Routledge.
- Sewell W.H. (1980) *Work and Revolution in France: The Language of Labor from the Old Regime to 1848*. Cambridge: Cambridge Un-ty Press.
- Smelser N. (1962) *Theory of Collective Behavior*. London: Routledge & Paul.
- Stones R. (2001) 'Refusing the Realism-Structuration Divide'. *European Journal of Social Theory* 4(2): 177 - 97.
- Weber M. (1978) *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*. Berkeley: Un-ty of California Press.
- White H.V. (1973) *Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe*. Baltimore, MD: Johns Hopkins Un-ty Press.
- Winch P. (1958) *The Idea of Social Science and Its Relation to Philosophy*. London: Routledge & Paul.
- Перевод Н. В. Романовского